

Неокончательно закрытое дело

Из книги

«Славный конец бесславных поколений»

Рассказы 1959 - 1979 - 1989 - 1999 - 2009 - 2019

Продолжение. Начало в "PM" №4169.

И, конечно, обоим нам приходит в голову Ирина Кирк... Ирина Кирк была внучкой знаменитого русского адмирала времен японской войны. К моменту рассказа — американка, с превосходным русским языком, и время от времени привозит из Штатов в Россию студентов на стажировку. И однажды утром раздается телефонный звонок, и молодой мужской голос с тяжелым американским акцентом говорит по-русски: "С вами пожелает встретиться ваш старый одноклассник Ирина". Мама милая! Все, что угодно, только не конспирация! Я же в мужской школе учился. Когда встречаемся, я ее спрашиваю, зачем этот камуфляж. Не верю своим ушам: "Чтобы заглушить следы...". Это она придумала, чтобы позвонил один из ее студентов; лучший в группе по грамматике. За ней круглосуточный хвост. Но пусть я не волнуюсь, она их всех провела: вышла из номера в куртке, а в лифте переделалась в плащ, а куртку спрятала в сумку из-под плаща. И показывает мне сумку. То есть полное ку-ку, но тетка при этом такая симпатичная, и острая, и привлекательная, и элегантная.

Сидим в сквере на площади Искусств, "хвост" расположился по соседним скамейкам. Она достает из сумки книжку "Born with the Dead", "Рожденные с умершими" — это из Элиота, из "Четырех кварталов", а я их переводил. Оказывается, ее книжка, она еще и писательница. В общем, кругом шестнадцать. Вечер золотой, надо погулять. От Филармонии звоню Иосифу: так и так, не хотите присоединиться? И через четверть часа шлендаем по каналу к Спасу-на-Крови. Нас трое, и еще один, на вид кандидат наук, — с той же скоростью метрах в двадцати сзади. Шальная тучка выполняет из-за купола, и около чугунной ограды Михайловского сада обрызгивает нас дождик. Оборачиваемся и видим сквозь изгиб ограды, как подъезжает к кандидату "Москвич" и передают ему плащ. Во-первых, как уже говорилось, берегут; во-вторых, в плаще мы же его не узнаем.

Кончились те дни скандальчиком, и за это я Ирину уважаю. Мы встретились у Гостиного на пять минут, чтобы проститься и мне забрать пластинку Гарри Беллафонте: народные баллады, плюс "Когда святые", плюс "Хава Нагила". Солнце, полно народу, обнялись-поцеловались, и вдруг она поворачивается к господинчику лет пятидесяти, в костюмчике, при галстучке, такой старший бухгалтер, и орет ему на весь Невский: "Что

вы прилипли ко мне! Что вам от меня нужно! Что вы шпионите за мной с утра!" "Шпионите" — чересчур литературное, неточное слово, но тот — краснеет, однако сквозь землю не проваливается и даже в метро, возле которого мы топчемся, не уходит, а стоит, как будто это не к нему. "Ходит за мной с утра", — объясняет Ирина мне и публике, но публика к такому не привыкла, а мне объяснять не надо. Еще один прощальный поцелуй, и он во тьме ногой ступени ищет — как писал Элиот в "Бесплодной земле".

С ней же был связан эпизод в Москве, самый неприятный. Она мне на Красную площадь, а именно к Лобному месту, принесла сумку с книгами. Двухтомник Ахматовой, четырехтомник Гумилева, трехтомник Мандельштама, Заболоцкого, что-то Шестова, что-то Федорова, на добрый пуд. Я тогда жил у приятеля, в доме на Котельнической. Еду в лифте, а двое по лестнице вровень бегут. Назавтра пошел к Петровых — спереди, сзади, и все здоровенные. Позвонил Марии Сергеевне с улицы, описал — "все равно приходите". Вечером она вышла собаку прогулять — та давай облизывать мужика в кустах. Назавтра заехал к Ардовым проститься — они на машине за мной во двор. У Ардовых некто опытный посоветовал: поезжайте в их приемную на Кузнецкий и все расскажите. Приехал, говорю: "Ваши люди меня преследуют. Вот такие-то номера машин". — "Мы никого не преследуем, думайте, что говорите. У вас фантазия разыгралась, дайте-ка сюда бумажку с номерами". Дневным поездом уехал в Ленинград, оттуда позвонил отчитаться. Тот же опытный взял трубку: "Вы не то им говорили; я бы на вашем месте обязательно осудил провокацию американки, а заодно заявил, что и с Бродским не имеете ничего общего".

Осуждение иностранцев, должен заметить, тогда, в середине 60-х, начало потихоньку входить в практику, и как-то не противореча морали, провозглашавшей либеральные ценности. Дескать, для них это приехал-уехал, им ничего не будет, а нам здесь сидеть. Силу это набрало в 70-е, когда какая-нибудь молоденькая девушка во Франции, какие-то книги в Россию с риском привозившая, какие-то рукописи с еще большим вызовившая, а то и влюблявшаяся в русского героя-антисоветчика и, когда его вызывали, не говоря уж арестовывали, поднимавшая в его защиту все газеты и всех сенаторов, вдруг узнавала, что он обличил ее как агентку спецслужб, толкнувшую его на преступление против Р-р-родины, да еще с подробностями, о которых знали только он и она. Невидимые миру слезы.

А Б.Б., сделавший помощью одним за счет других своей профессией, хотя и не главной, попросту вложил папку с бумагами эмигрировавшего Гарика Воскова в руки деликатнейшего, не позволявшего себе из чувства собственного достоинства отказывать в таком деле, Фаусто Малковати. Бумаги были дороги Гарику исключительно как сентиментальная память, например, пропуск на кладбище, где он рыл могилы: оригиналы были к вызову запрещены, просто из вредности, только легализованные копии, каковые он благополучно и вывез. Назавтра папку у Фаусто в номере нашли, изъяли, сказали, что валялась на полу и уборщица принесла, и выслали. И лет десять не пускали, так что занимался он своим Вячеславом Ивановым и Мейерхольдом в итальянских и немецких библиотеках. Но ведь в итальянских, немецких, не во вьетнамских же — чего его жалеть!

Угрюмо констатирую, что чем дальше, тем больше тружеников слезки стали исполнять свои обязанности шалая-валяя и формально. У Аманды была близкая подруга, Фэйз Вигзель, вскоре познакомившаяся и близко подружившаяся также с Бродским. Уже после его эмиграции мы с ней встретились в Ленинграде и зашли в кафе "Се-

вер", про которое ленинградцы любили прибавлять "бывшая «Квисисана»". За нами шла тройка с чемоданцем столь тяжелым, что они часто передавали его один другому. В бывшую "Квисисану" была небольшая очередь, они встали за нами. Но очередь в кафе означает, что едва ли в нем освободятся сразу два столика рядом. Поэтому, когда мы с ней сели, существо в строгом женском костюме и с непроницаемым лицом (директриса? партсекретарь?) поставило дополнительный столик в метре от нас, прямо в проходе, и трое сели. При этом один ни больше ни меньше как сунул чемодан нам под ноги. Я сперва даже не нашелся, что сказать, промекал только: "Эй-эй", — и пул их замечательное приспособление: забирай давай. На что они стали мне умиротворяюще подмигивать, как бы мы заодно, чего ж я не понимаю, а поставивший пробормотал: "Кончай ты, дай постоять".

Майор, приставленный к Бродскому в последние годы перед отъездом, проводил с ним профилактическую работу, то есть встречал на улице, увлекал в ближайший сквер и в соответствии с инструкцией пилил: "Вот, вы встречаетесь с английскими аспирантами, а они завербованы спецслужбами". Имена девушек (Аманды и Фэйз) называть категорически отказывался, вынуждая на это подопечного, — так сказать, "колон" его, действуя по регламенту. И однажды Бродский ответил: "А вы гоняетесь за девчонками, зато Пеньковского — отпускаете". Пеньковский был у нас генерал, а у американцев и англичан по тому же ведомству оказался полковник. Тот прямо подпрыгнул: "Подождите. Значит, в какой, вы говорите, связи эти иностранные гражданки с ним состоят?"

Случались — редко — и моменты мести. Однажды мы проговорили с Амандой до трех утра, я пошел ее проводить. Было лето, уже рассвело, улица пустая, у ларька стоит фигура с чемоданом у ног. Стали ждть такси, от магазина тронулась "Волга", вышла на боевую позицию. Показалось такси, Аманда села, обе машины поехали, я повернулся идти домой, и так сошлось, что малый с чемоданом заспешил к "Волге" по той дорожке, на которой уже был я. "Волга" подкатила его забрать туда, где эта дорожка впадала в проезжую часть. Я остановился посмотреть, как они это проделают в двух шагах от меня. "Волга" тормознула, но он был еще метрах в двадцати, а такси уходило. И тогда они рванули вслед, оставив его с чемоданом, набитым железяками радиоаппаратуры, и в полной растерянности, выражением которой он щедро со мной поделился, когда мы прошли друг мимо друга. Я поднялся к себе и вышел на балкон: розово-голубое небо, широкая улица, и на ней одинокая фигурка, волочащаяся к центру и каждые полминуты перекладывающая груз из руки в руку. Сизифов труд: ну втащит он часам к шести, если раньше не подхватят, свой, как говорили в школе, чемод, на Лубянский холм, а часам к шести вечера опять Аманда придет, и опять скатится он в мой двор. Можно, правда, меня обезвредить, но не так уж много граждан имело несанкционированные встречи, и таких тоже надо беречь.

Это мои, как таракана за печкой, выкладки — понимаю, что наивные; что был бы Сизиф, а куда камню скатываться, место найдется. Но все-таки, отдавая очередного такого гиганта сопротивления в руки правосудия, екало у них хоть на миг их горячее сердце и мелькало в холодной голове, что вот, многомесячный, а то и многогодовой верный кусок хлеба уходит, а с новым как оно еще сложится?

Москва

Окончание следует.